

Но князь оглядывался съ тревожнымъ видомъ.

— Что вы ищите?—спросилъ кавалеръ.

— Да... я хотѣлъ бы... лѣстницу.

Раздался общій хохотъ. И Саваль, подойдя, сказалъ:

— Мы всѣ вамъ поможемъ, князь.

И приподнявъ его въ своихъ геркулесовыхъ рукахъ, рекомендовалъ:

— Уцѣпитесь за балконъ. Князь уцѣпился, и когда Саваль пустилъ его, заболталъ ногами въ воздухѣ.

Тогда Сервиньи схватилъ эти безпомощныя ноги и потянулъ къ себѣ. Князь отнялъ руки и полетѣлъ на животъ де-Бельвина, подошедшаго, чтобы его поддержать.

— Кому охота?—спросилъ Сервиньи.

Но всѣ молчали.

— Ну, Бельвинъ, смѣлѣе.

— Благодарю, любезный герцогъ, я берегу свои кости.

— Ну, вы, кавалеръ, вамъ это должно быть въ привычку.

— Я уступаю вамъ мѣсто, герцогъ.

— Гмъ! гмъ! я вовсе не такъ стою за него.

И Сервиньи вертѣлся вокругъ колоннъ. Затѣмъ съ разбѣгу уцѣпился за балюстраду балкона, поднялся на рукахъ, какъ дѣлають гимнасты, и перескочилъ черезъ балюстраду.

Всѣ зрители захлопали въ ладоши. Но онъ тотчасъ появился на балконѣ, крича:

— Идите скорѣй, скорѣй. Иветта въ обморокѣ.

Маркиза громко вскрикнула и бросилась на лѣстницу.

Молодая дѣвушка съ закрытыми глазами прикидывалась мертвой.

Обезумѣвшая мать бросилась къ ней, крича:

— Что съ ней такое? скажите, что съ ней?

Сервиньи поднялъ бутылку съ хлороформомъ, упавшую на полъ, и сказалъ:

— Она задушила себя хлороформомъ.

И приложивъ ухо къ сердцу,—прибавилъ:

— Но она еще жива; мы приведемъ ее въ чувство. Есть у васъ амміакъ?

Растерявшаяся горничная повторяла:

— Что такое... что такое... сударь?

— Нашатырный спиртъ?

— Есть.

— Принесите сейчасъ и оставьте дверь открытой, чтобы былъ сквозной вѣтеръ.